

ЖИЗНИ И ЖИЗНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

СОДЕРЖАНИЕ

ЛИТЕРАТУРА И ИСКУССТВО

Мирон Петровский. Жизнь и судьба Михаила Булгакова. — Андрей Васильевский. Опыты занимательной футуро(эсхато)логии.

ПОЛИТИКА И НАУКА

М. Одесский, Д. Фельдман. Целесообразность или необходимость?

Литература и искусство

ЖИЗНЬ И СУДЬБА МИХАИЛА БУЛГАКОВА

М. Чудакова. Жизнеописание Михаила Булгакова. М. «Книга». 1988. 672 стр.

Если читатель, желая получить справку о Михаиле Булгакове, заглянет в Краткую литературную энциклопедию, он будет удивлен до крайности.

Там, в первом томе КЛЭ, написано, будто М. Булгаков родился 2(14) мая 1891 года. Но ведь дата рождения писателя — 3(15) мая? Там написано, что будущий писатель родился «в семье профессора». Но доцент Киевской духовной академии А. И. Булгаков стал профессором лишь незадолго до смерти — в 1907 году. Там далее сообщается о двух прижизненных сборниках произведений Михаила Булгакова — «Дьяволиада» и «Роковые яйца», — вышедших будто бы в одном и том же 1925 году. Но тираж сборника «Дьяволиада» в 1925 году был арестован, и книга появилась в 1926 году, а сборника «Роковые яйца» вообще не существует в природе...

Там же сообщается, что в повестях «Роковые яйца» и «Дьяволиада» «отразилось неприятие действительности писателем, не сумевшим за «гримасами нэпа» разглядеть истинное лицо времени». Отрицательное отношение Булгакова к нэпу — конечно, фикция. Бюрократизм и администрирование, на которые обращена булгаковская сатира, не были порождением нэпа, а суждения о писателе по типу «не понял», «не сумел оценить», «не отобразил» и так далее представляются сомнительными в принципе.

О пьесах «Зойкина квартира» и «Бег» из того же справочного издания можно узнать

только то, что они «вызвали резко отрицат. оценку в критике». Пьеса «Последние дни (Пушкин)» там датирована 1940 годом, хотя она, несомненно, была завершена пятью годами раньше. Булгаков не мог сотрудничать в газете «Накануне» в 1920—1922 годах, как сообщает энциклопедия, поскольку газета в означенный период просто не существовала. Она начала выходить в марте 1922 года, и Булгаков печатался в ней по 1924 год. На самый снисходительный взгляд почти ни одно сообщение справочного издания не соответствует действительности. При этом в энциклопедии не упомянут роман «Мастер и Маргарита», в чем, впрочем, нет ничего удивительного, поскольку до публикации вершинного произведения Булгакова оставалось еще шесть лет.

Эти ошибки и неправды извлечены на свет не для уличения или спора: нет, справочник сообщал о Булгакове то, что о нем было известно в ту пору, и так, как принято было тогда о нем писать. Перед нами — исторический документ, красноречиво свидетельствующий о своем времени. Последующие годы, начиная с публикации «Мастера и Маргариты», стали временем «булгаковского бума», которому вначале пророчили быстрый спад, а теперь уже не пророчат, так как стало ясно, что успех Булгакова не мода, не пресловутая накипь на явлении, а само явление. Замолчанный, неизданный, писатель выбрался из-под глыб и прочно занял место в центре литературного процесса, сломал официальную табель о

рангах, изменил всю картину отечественной литературы: «...так ложная мудрость мерцает и тлеет...»

Вспомнить о давней энциклопедической статье нужно именно для того, чтобы, взяв ее как точку отсчета, оценить усилия, направленные на опубликование Булгакова, долгую работу многих исследователей жизни и творчества писателя. Пройденный путь значителен, а книгой М. Чудаковой на этом пути взята высота, позволяющая оглянуться, оглядеться. Открывается обнадеживающая картина «сложения сил», в которой заметно выделяются непрерывные и ценные вклады автора «Жизнеописания».

М. Чудакова избрала путь «последовательного жизнеописания»¹ — жанр трудный для русского литератора, зачастую еще скованного традицией жития, жанр, разработанный куда основательней в литературах, где сильнее традиция уважения к частной жизни частного человека. Жанр жизнеописания становится у М. Чудаковой исследовательским эквивалентом того личностного начала, которое с такой силой заявило о себе в творчестве Булгакова.

У М. Чудаковой была особая возможность и право оставить за пределами своей книги вопросы творчества Булгакова. Огромный массив этих вопросов уже был разработан ею раньше — в цикле статей, примыкающих к «Жизнеописанию» и образующих вокруг него как бы ореол: в уже несомненно классической работе об архиве Булгакова, в исследованиях о творческой истории «Мастера и Маргариты», о Булгакове и Гоголе, о библиотеке писателя, в статьях об отдельных произведениях и общих проблемах творчества Булгакова, о булгаковских «источниках». В «Жизнеописании» едва ли не на каждой странице проглядывают клеммы, куда легко подключаются эти работы.

Монументальное сооружение М. Чудаковой возводилось не на пустом месте — какие-то сваи были забиты, какие-то секции были поставлены исследователями, работавшими одновременно с нею. Для изучения кавказского периода жизни писателя много сделал безвременно погибший Д. Гиреев, автор книги «Михаил Булгаков на берегах Терека» (1980); ряд существенных моментов выяснен в книге Л. Яновской «Творческий путь Михаила Булгакова» (1983); историю взаимоотношений писателя с МХАТом обстоя-

тельно рассказал А. Смелянский в книге «Михаил Булгаков в Художественном театре» (1986), не говоря уже о массивном пласте ценных журнально-газетных публикаций.

И все же надо признать, что биография Булгакова досталась М. Чудаковой в пестроте фрагментов, белых пятен, легенд и мифов. На каждом шагу сказывался дефицит документов. Бурное время гражданской войны не благоприятствовало их накоплению, последующие годы не располагали к хранению личных архивов. По причинам, которые едва ли требуют пояснений, Булгаков старался стереть или заретушировать некоторые эпизоды своей биографии, другие оказались стертymi или заретушированными помимо его воли. Аутсайдерское положение Булгакова в советской литературе — вне групп и объединений — тоже не способствовало документальным отложениям. Тем более впечатляет размах документальности «Жизнеописания Михаила Булгакова». М. Чудакова не только перевернула государственные архивы и частные собрания, она в известном смысле создавала документы, разыскивая людей, способных свидетельствовать о Булгакове, и побуждая их записывать свои свидетельства.

Количество документальных материалов, привлеченных М. Чудаковой, вызвало бы уважение, даже если бы они были представлены в сыром виде. Но в том-то и дело, что разрозненные свидетельства разного качества подвергнуты жесточайшей критической проверке и сращены в единое целое объединяющей мыслью исследователя. М. Чудакова сделала, кажется, невозможное, соединив трезвую аналитику тыняновской школы с биографическим методом. Научная критика позволяет автору извлекать положительные биографические сведения даже из заведомо недостоверных источников — из слухов, например. Или — со всей осторожностью и необходимыми оговорками — из собственных произведений писателя. «Среда обитания» — житейское и литературное окружение Булгакова (особенно в 20-е и 30-е годы) — реконструирована с такой полнотой, что книга о писателе вырывается за титульные рамки и становится ценнейшим источником по соответствующему периоду советской литературы. М. Чудакова сделала для биографии Булгакова то, что для биографии Пушкина сделал П. В. Анненков. Рассказ о творчестве отделен от жизнеописания писателя словно бы для того, чтобы эффективно продемонстрировать их неразделимость.

С момента выхода «Мастера и Маргариты» миллионы читателей видели в булгаковском романе некую замену другой, не-

¹ Нужно обратить внимание читателя на то, что книга М. Чудаковой «Жизнеописание Михаила Булгакова» вышла одновременно двумя изданиями: пятидесятитысячным тиражом с иллюстрациями и девяностотысячным без иллюстраций, на место которых добавлены страницы текста.

доступной им книги о днях и делах Христа, наивно полагая (подобно машинистке Томаса Манна), будто теперь-то им доподлинно известно, как там было на самом деле. Но с ортодоксальной точки зрения, насколько можно судить, апокриф Булгакова — версия едва ли не еретическая. Возникает нешуточный вопрос о соотношении романа и веры, и М. Чудакова, осторожно, но уверенно перебирая факты биографии, дает на него развернутый ответ.

Конечно, воспитание в семье преподавателя Духовной академии наложило отпечаток на представления юного Булгакова; увлечение естественными науками, изучение биологии и медицины сделали его сторонником позитивизма и — атеизма; духовные искания писателя привели его к построению нравственного абсолюта, гаранта справедливости бытия, той нормы, которая, как показала М. Чудакова, составляла основу миропредставления Булгакова. Герой булгаковского апокрифа — скорее бог этики, нежели метафизики, но в исследовании, проведенном здесь, как и везде, с аналитической смелостью, окончательного ответа на вопрос о религиозности Булгакова М. Чудакова не дает — и это, конечно, свидетельство интеллектуальной честности исследователя. Выводы, соответствующие наличным фактам, — то, что называется корректностью исследования, делают эту книгу произведением нашего времени, жаждущего правды, всей правды и ничего кроме правды.

«Его современники нередко старались ухудшить его анкету, сегодняшние поклонники стремятся ее „улучшить“», — иронически замечает М. Чудакова, и в этом замечании — один из ключей к «Жизнеописанию Михаила Булгакова». Но клеветники и злопыхатели — дело прошлое, они обезоружены ходом времени, и исследовательница главных своих оппонентов видит в украшателях. Старания украшателей подчистить биографию писателя и заверить, что в ней все в порядке (особенно по части идеологии), имели благую цель — поскорее вернуть Булгакова в печатную литературу, но вливались — пусть и с другой стороны — в систему лжи. М. Чудакова бестрепетно рассматривает самые, казалось бы, рискованные сюжеты биографии и взгляды писателя, доискиваясь до правды — в той мере, в какой факты позволяют судить о ней. «Жизнеописание» — книга последовательно антипатетическая и, являясь в определенном смысле итоговой для отечественного булгаковедения, принципиально «не завершена» — то есть открыта для продолжения исследований.

В азарте полемики М. Чудакова временами, кажется, берет лишку и понемногу начинает вновь «ухудшать» анкету писателя — чуть ли не в пику украшателям, но, конечно, не в том смысле, в каком это делали современники писателя. Полемическая увлеченность — прекрасная, но вместе с тем и опасная вещь: вместо защиты собственных ценностей полемист сосредоточивается на опровержении чужих, как бы присваивая их себе с противоположным знаком. Чудакова, кажется, несколько преуменьшает сопротивление художника эпохе, которая ему досталась.

Самый страшный грех, по Булгакову, — страх. У бесстрашного художника было право сказать об этом: он жил в эпоху, которая пугала и грубо и изощренно. Энергично, короткими документальными мазками М. Чудакова рисует обстановку тотального страха, в которой писатель работал над знаменитым ныне романом. В писательской среде уже не говорили: «Если тебя возьмут...» — а только: «Когда тебя возьмут...»; квартиры писательского дома пустели одна за другой, то же происходило в других домах на просторах отечества, а писатель не поднимался от стола, спешил окончить роман — светлый творческий пир во время репрессивной чумы.

После книги М. Чудаковой нужно заново прочесть повести, пьесы и романы Булгакова — в контексте эпохи, с такой грозной серьезностью восстановленном исследователем. По-видимому, в этом состоит задача «Жизнеописания»: восстановить жестко определятельный историко-биографический контекст булгаковского творчества. Задача тем более основательная, что, как неоднократно показала М. Чудакова, «путь от биографии к художеству временами... у Булгакова подчеркнута короток».

Короток — но вот прям ли? И здесь, кажется, место для наиболее существенного упрека исключительному по своей добросовестности труду. Пассажи от биографии к творчеству у М. Чудаковой порой прямы и обоснованы главным образом интуицией исследователя. Читатель же, обладая правом доверять автору, обладает и обязанностью не доверять — и требовать доказательств. Прямое взывание от интуиции автора к интуиции читателя — ход эффектный, но едва ли достаточный в столь строго рациональном исследовании. К примеру, выведение реплики Маргариты «Отпустите его» из надгробной речи сотоварища Афанасия Ивановича Булгакова Д. И. Богдашевского выглядит впечатляюще, но недостаточно убедительно. Ведь эта

реплика может восходить и непосредственно к молитве «Ныне отпускаеши», приведенной Богдасhevским.

Странно, мне кажется, выглядит обращение к сообразительности женской части читателей книги в рассказе об интимной жизни писателя: «Женская половина наших читателей разделит, мы думаем, уже собственное наше предположение...» о том, кто был отцом младшего сына Елены Сергеевны.

С этой материей вообще следовало бы обращаться деликатней. Иронически отзываясь о «страсти горожан к пересудам», следует ли давать для них хоть малейший повод? Об этом стоит сказать, потому что «Жизнеописание Михаила Булгакова» — книга надолго, и хотелось бы видеть ее безупречной.

Мирон ПЕТРОВСКИЙ.

ОПЫТЫ ЗАНИМАТЕЛЬНОЙ ФУТУРО(ЭСХАТО)ЛОГИИ

Станислав Лем. Профессор А. Донда. Из воспоминаний Йона Тихого. Перевод с польского Игоря Левшина. «Химия и жизнь», 1988, № 9.

Станислав Лем. Мир на Земле. Из воспоминаний Йона Тихого. Перевод с польского Константина Душенко и Игоря Левшина. «Звезда Востока», 1988, № 9, 10.

Станислав Лем. Футурологический конгресс. Из воспоминаний Йона Тихого. Перевод с польского Константина Душенко. «Иностранная литература», 1987, № 7.

Станислав Лем — «возвращающийся» автор? Йон Тихий — «задержанная» литература? Да, отчасти так. После бурных польских событий начала 80-х годов и отказа Лема вступить в новый союз писателей любовь наших книгоиздателей к сверхпопулярному фантасту сменилась холодной сдержанностью; к счастью, ненадолго — лед отчуждения таял так быстро, что писатель уже вынужден протестовать против пиратских публикаций его произведений в СССР¹.

В контексте этого «возвращения» мне представляется принципиально важным недавнее интервью писателя «Не может бытьрая на Земле» («Огонек», 1989, № 13). «...Отношение моих «миров» к действительности почти всегда характеризовалось реализмом и рационализмом», — говорит Лем, объясняя, что «реализм» в данном случае означает реальность поднимаемых им проблем, а «рационализм» — отсутствие «сверхъестественного» элемента. Признание существенное и не неожиданное. На предпосылке, что именно «максимально рационалистическому» типу культуры и человека принадлежит будущее, покоился жутковатый оптимизм знаменитого лемовского трактата «Сумма технологии» (1967), вызывающего (ныне) мое принципиальное неприятие именно гордыней рационализма (гордыней, в частности, антихристианской — «ни одна религия не может ничего сделать для человечества, потому что она не является опытным знанием», характерно, что Лему при

этом изменяет даже несомненное чувство юмора); с высоты «чистого интеллекта» автор «Суммы...» взирал на многогрешное несовершенное человечество, явно нуждающееся в переделке («Надо же дать ему какой-то шанс...» — великодушно замечал он).

Между тем упомянутое интервью указывает, как мне представляется, на определенную мировоззренческую эволюцию писателя, который говорит о том, что сегодня ему «автоэволюция человека, то есть самопреобразование вида (в этом был пафос «Суммы...».— А. В.), кажется... нежелательной и — к счастью — чрезвычайно удаленной во времени возможностью». Лем справедливо считает, что «РАЗУМНОЕ и ПОТОМУ внутренне свободное существо никакими переделками нельзя превратить в „элемент совершенного общества"». Нельзя и — добавлю я — не нужно.

«Догнать и перегнать Природу!» — таков был сформулированный самим автором лейтмотив «Суммы технологии». Ныне Лем говорит: осторожнее, осторожнее, «человек — существо творческое, и необходимы stagnирующие системы (я думаю, что скорее церковь, чем государство.— А. В.), чтобы обуздать в нем неуправляемый творческий порыв». По выражению самого фантаста, ныне для него на первый план выходит вопрос о «производстве ЗЛА» как побочном явлении научного творчества. Этому в значительной степени посвящены недавно напечатанные у нас художественные работы Лема из большого цикла, объединенного одним главным персонажем и рассказчиком Ййо-

¹ См. «Открытое письмо советским издателям» Станислава Лема («Книжное обозрение», 1989, № 14).